Предпосылки развития европейской доктрины кодификации XVI – XIX вв.

Глушкова Елена Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского института дополнительного профессионального образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», elena.zatsepina@mail.ru

Статья посвящена историческим аспектам развития европейской доктрины кодификации XVI – XIX вв. Кодификация с самых древних времен может рассматриваться как некое стандартное средство для обнародования закона и его доступности, путем его письменной фиксации. Возникновение феномена кодификации можно объяснить ситуациями, складывающимися в обществе в условиях влияние различных экономических, политических и иных факторов, где закон не может больше выполнять свою служебную роль, кроме как путем разработки определенного метода. Это ситуация, в которой закон, предназначенный только для того, чтобы иметь определенное содержание, уже не является удовлетворительным: специфическая формальная организация этого содержания также становится необходимым для адекватного функционирования правовой договоренности. Кодификацию в развитии европейского права следует рассматривать как совокупность нормативных актов, имеющую характер более обширного целого и одновременно представляющую собой юридически значимую силу самостоятельного акта правового выражения.

Ключевые слова: европейская доктрина, европейское право, кодификация, теория права, кодекс.

Современная теория права не дает однозначного ответа о природе кодификации. Часть ученых полагает, что кодификация есть одна из внешних форм выражения систематизации законодательства. Другая часть «исключают кодификацию из видов систематизации законодательства и считает, что кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой самостоятельную, причем основную форму совершенствования законодательства» [1, с. 331-332]. Нам ближе точка зрения исследователей, полагающих, что «кодификация имеет двойственную природу, поскольку выступает и как форма систематизации законодательства с точки зрения создания акта упорядочения узаконений, и как продукт правотворчества, поэтому носит двойственный характер» [3, с. 390].

Можно сказать, что принятие законов знаменует собой временный конец спонтанности в правовом развитии человечества, превращая последнее в искусственность программирования человеческих действий с помощью средств планирования. Стабилизация общественного порядка и облегчение процесса правового познания привели, в дальнейшем, к определенной унификации права, к созданию предпосылок для улучшения состояния правовой определенности: таким образом, отдельно возник новый элемент — мотив правовой определенности, неразрывно сопутствующее явление в сфере правового познания. Это стремление к правовой определенности, а не только или не столько необходимость новых правовых предписаний, стало тем, что привело к быстрому количественному расцвету норм позитивного права в ряде европейских стран [8, p. 12].

Стремление к обеспечению безопасности правового порядка, выработка достаточно полных законодательных решений, императивность и официальная стилизация норм позитивного права как элемента их высшей авторитетности, вытекающей непосредственно из власти государства — правителя, — все это были новые элементы в дальнейшем развитии права. Кодификация, по мнению отдельных ученых, «имеет смысл, а ее усилия направлены на достижение политической и экономической рационализации, в поддержании системности самого права, правового регулирования, государственного управления и, как следствие, системности возникающих на их основе общественных отношений» [2, с. 84].

На наш взгляд, такая позиция более применима к современному пониманию кодификации, чем к периоду, когда идея кодификации еще только формировалась. Да, современное право рационально. Но проблески рациональности права мы можем обнаружить в равной степени в культурах общего права, средневекового права, права эпохи античности и даже, отчасти в первобытном праве.

Кодификация права имеет давнюю историю и сумела продемонстрировать миру внушительные достижения. Её наиболее яркие примеры — Французский гражданский кодекс (*Code civil*) и Германское гражданское уложение (*BGB*) — рассматриваются как свидетельство высокой культуры народа и памятники эпохе. Несмотря на то, что в прошлом и в настоящем времени всегда находились противники кодификации, это не умаляет того факта, что её значение и влияние в истории права являются выдающимися и непревзойдёнными.

Термины «кодекс» и «кодификация» появились ещё в IV веке [11, с. 95] и на протяжении более тысячи лет их трактовки и содержание постоянно эволюционировали. Историки права во всём мире применяют термины «кодекс» и «кодификация» практически ко всем юридическим

сборникам от античности до наших дней. Сомнения относительно правильности употребления указанной терминологии, высказанные несколькими авторами, в основном связаны с проблемой отграничения правовой кодификации от таких творений, как частные сборники и сборники обычного права [5, p. 24]. Определенную путаницу в соотношении этих понятий внес Дж. Вандерлинден, рассматривавший с помощью формалистического анализа историю термина «кодекс», а не историю кодификации как правового явления [10, p. 42].

Фундаментальным свойством кодификации (характеристикой, от которой, на наш взгляд, не следует отказываться) является то, что она создаёт памятник созданному праву, обладающий специфическими характеристиками.

Поэтому нас должно интересовать понятие кодификации как понятие формы сбора и консолидации комплекса правовых положений, который затем возводится в ранг действующего права как унификация, основанная на соответствующем решении государственной власти. Таким образом, даже если применять понятие кодификации в самом широком смысле (согласно общепринятому до сих пор толкованию в исследованиях), необходимо различать частные акты, обладающие некоторыми признаками кодификации, и сборники законов, имеющие силу закона, основанную на независимом утверждении компетентной власти. Следовательно, частные или официальные сборники (сборники или компиляции) позитивного права, не имеющие собственной юридической силы, не могут быть отнесены к кодификации, даже если правовые источники, из которых составлен такой сборник, обладают характером юридической силы.

Кодификацию в развитии европейского права следует рассматривать как совокупность нормативных актов, имеющую характер более обширного целого и одновременно представляющую собой юридически значимую силу самостоятельного акта правового выражения. Это наше довольно осторожное и общее предположение, однако, не означает, что нельзя провести определённые различия в истории европейских кодификаций, учитывая эволюцию мотиваций, а также глубокие преобразования в методах кодификации, способствовавшие зарождению кодификационных усилий.

По нашему мнению, в истории европейской кодификации следует выделить три этапа. Первый этап охватывает весь период развития кодификации вплоть до XVIII в. Второй этап, этап современных кодификаций, начался в XVIII в. Это означает, что кодификация XVIII в. демонстрирует ряд дополнительных черт, которые ранее либо вообще не встречались, либо встречались лишь как маргинальные явления, и которые, начиная с этого столетия, вместе с новой целостной мотивацией – естественным правом – и глубокими преобразованиями в методах кодификации станут неотъемлемым элементом кодификации права. Третий этап – XIX в. характеризуется уже сложившейся доктриной кодификации.

Теоретическим идеалом средневекового мира была стабильная неизменность: мир экономики и общества, наделённый на каждый случай особыми привилегиями, был замкнутым миром, диктовавшим статичный, а не динамичный образ мышления. Стремление к стабилизации существующих условий, взгляд в прошлое, а не в будущее, страх перед любыми переменами глубоко укоренились в общественном менталитете того времени.

Веками сохранялся культ старого «доброго» права, и даже реформаторы, притворяясь, смотрели в прошлое, выступая за «упразднение злоупотреблений». «Древность» права была в то время весомым аргументом, а его неизменность – почти догмой. Таким образом, структура сословного общества была особенно устойчива к решениям, выходящим за рамки частных случаев. Поэтому реализация кодификационных проектов, которые периодически возникли в различных европейских странах в XVI в., предполагала наличие следующих условий.

Необходимость кодификации (унификации) права должна была стать очевидной для тех социальных групп, или властных сил, которые занимали ключевое положение в государстве. Проблема государственного устройства также имела огромное значение. Концепции кодификации представлены многочисленными абсолютными монархиями в Европе, которые, кстати, как показывают относительно недавние исследования, могут опираться на совершенно разные социальные силы [7, p. 63]. Фундаментальное значение здесь имело установление абсолютных монархий и процесс, посредством которого они взяли на себя полный прямой контроль над применением закона и, прежде всего, над его исполнением, а также демонстрацию своей особой заинтересованности в поддержании общественного порядка (и, следовательно, также в вопросах уголовного права).

Сословная система также представляла собой разделение политической власти, партикуляризм, который носил не только территориальный, но и групповой характер, а также (исторически, географически и национально) неорганический, но династический характер многих европейских государств того времени. Ряд исторических и политических причин, а не только социально-экономические условия и стремления, способствовали тому, что стремление к унификации в сословных монархиях XV–XVI вв. и последующие усилия абсолютных монархий в области кодификации лишь в редких случаях увенчивались успехом.

Своеобразная форма правовой унификации, весьма ограниченная, сформировалась в то время под влиянием таких замещающих явлений, как возникновение общего права в Англии в ходе длительного процесса развития или роль современного usus Pandectarum в германских государствах.

Предпосылки особого характера можно было бы точнее описать как необходимость достижения определённого уровня развития самого права, юридической науки и правовой культуры общественной элиты как предпосылки для успешной реализации планов кодификации. Это проблемы динамики внутреннего развития права, развития правовых норм и эволюции юридической теории, которая конструирует и анализирует структуру применимых правовых структур и предпринимает действия, направленные на упорядочение и систематизацию этих структур. Таким образом, должна была возникнуть программа кодификации, и юридическая наука должна была сформулировать её основные предпосылки, цели, условия и направления, а также методы её реализации. Такие факторы, как общее состояние развития культуры и науки, особенно философии, логики, лингвистики или поведенческой психологии (в более позднее время), имели серьёзное значение в этом контексте.

Исследования истории законодательной техники и эволюции юридической терминологии, особенно развития юридической терминологии в национальных языках, находившихся под влиянием латыни, языка римского и канонического права, остаются в зачаточном состоянии. До настоящего времени конструирование правовых норм в их историческом развитии и многие другие проблемы не были предметом обобщающих исследований; а отдельные, порой содержательные, наблюдения настолько разрозненны в литературе по истории европейского права, что их оценка и обобщение в свете современного состояния исследований становятся практически невозможными. Следует предположить, что здесь имеет место

быть существенная возможность и одновременно необходимость проведения количественных исследований, которые должны быть осуществлены историками права с лингвистической подготовкой, которые, опираясь на единый набор вопросов, могли бы анализировать документальный материал и на этой основе конкретизировать наши знания об истории форм позитивного права в различные эпохи. Однако пока нам придется ограничиться общими вводными замечаниями.

Ни Кодекс Юстиниана, ни Дигесты, ни любое другое римское или византийское собрание юридических текстов не могут рассматриваться как кодификация в современном техническом смысле этого слова. Кодекс Юстиниана представляет собой собрание императорских конституций, охватывающих период примерно в 400 лет. Таким образом, хотя он и является более однородным по своей природе, он не претендует на всеобъемлющий характер. Опять же, его составителями не предпринимается никаких усилий по приведению правового материала в какой-либо систематический порядок. В этом отношении отличаются Институции Юстиниана. Но, хотя формально они были возведены в ранг закона, по сути, они были учебником по юриспруденции.

В то же время следует указать на одно весьма распространенное, по нашему мнению, заблуждение по поводу непосредственного влияния моделей кодификации римского права на кодификации права в Европе. Кодификация, как отмечалось выше, является специфическим историческим явлением, зародившимся в юридической науке конца XVII и XVIII вв. Гражданская традиция основана, в конечном счете, на римском праве, а само римское право никогда не было кодифицировано. Наиболее важные источники были переданы нам в виде компиляции, упомянутого выше *Corpus*. Но его общий характер был казуистическим.

На протяжении многих столетий это толкование в значительной степени основывалось, на римском праве, переданном Юстинианом и научно переработанном юристами Болоньи. Таким образом, юристы ius commune в некотором смысле черпали свое вдохновение из законодательного акта. Но из-за особой природы этого законодательного акта ius commune, как действующий закон, сохранил многие характеристики, которые современный наблюдатель скорее ассоциировал бы с английским общим правом, чем с современным континентальным гражданским правом. Это право было бесконечно разнообразным и большим по объему и в определенный период времени достигло такого уровня сложности, что рано или поздно должна была начаться реакция практики и на его «бесконечность» и на его сложность. Здесь лежат корни движения, которому суждено было, в конечном счете, привести к кодификации гражданского права. Самая ранняя критика римского права, получившая распространение в Европе, была высказана юристами-гуманистами, такими как Франсуа Отман (Франциск Хотоманнус) [4, с. 43]. Они подчеркивали историческую относительность *Corpus* Юстиниана, они же обнаружили, что *Corpus* состоит из разных слоев, относящихся к разным периодам истории этапы развития римского права и что Юстиниан исказил многие тексты, и они указывали на различия между общими условиями жизни в Риме или Византии и в Европе раннего Нового времени.

Деятельность средневековых юридических школ и роль сборников канонического права составили второй важный этап развития. Следует подчеркнуть, что многочисленные рассуждения о влиянии канонического права на памятники национального права, как правило, касаются содержательного содержания, иногда роли отдельных системных решений, но лишь изредка затрагивают вопросы влияния технических решений, формы и языка положений канонического права, а также роли этих решений для идеи и практики кодификации в последующие столетия. Донаучный юридический язык Средневековья долгое время не мог перейти от слова к понятию и опирался преимущественно на описательный и символический язык. Средневековые правовые школы сыграли решающую роль в формировании новых навыков: организации правового материала на основе римского опыта и текстов римского права.

Тонкая схоластика итальянских правовых школ сыграла значительную роль в разработке общих правил определения понятий и аналитических методов. Там культивировалось в первую очередь искусство толкования (а не конструирования) правовых норм. Однако рационализация процесса понимания права проложила путь к рационализации законодательных предложений. Однако эти методы одновременно обременялись преобладанием анализа над синтезом, культом детализации и пренебрежением общей перспективой, неразвитостью систематического интереса, что было связано с отсутствием независимости от исследуемых текстов. Своеобразным препятствием, обесценивавшим этот метод и препятствовавшим его применению после XVI в., было использование средневековыми юристами искажённой формы латыни: они пользовались несовершенными юридическими текстами и погрязли в бесплодной учености, казуистике и классических схоластических спорах.

Третий этап – развитие гуманистической и постгуманистической юриспруденции – время возникновения и господства mos gallicus, а затем – начало новой доктрины естественного права и влияние расцвета точных наук на методы юридической науки [9, p. 112]. Именно гуманисты в определённой степени осуществили реконструкцию юридической науки, изучая источники римского права в его первоначальной классической форме и излагая результаты своих исследований на изящной латыни. Интерес к синтезу и систематизации достиг своего апогея, и размышления о проблемах творческого права были им не чужды. Синтез и систематизация права стали двумя решающими шагами к возникновению современной кодификации. Именно гуманисты, а вслед за ними и юридическая наука XVII в, проделали огромную работу по классификации и систематизации правового материала. Этот третий этап, охватывающий XVI и XVII вв., основывался главным образом на новом явлении, а именно на развитии в абсолютных монархиях аппарата, профессионально и «в качестве основного занятия» или в значительной степени занимавшегося процессом творения права. Юридическое образование его сотрудников в сочетании с их растущим опытом проложило путь первым систематическим методам законодательной и кодификационной работы в XVII веке.

Четвёртый этап – XVIII век, в котором были разработаны и созданы относительно современные методы и приёмы кодификации. Можно сказать, что всё, что возникло в этом отношении в течение длительного периода кодификационной работы (особенно во Франции и Австрии) на рубеже XVIII и XIX вв., стало важнейшей основой для дальнейшего развития. Практически до наших дней не произошло никаких существенных изменений общего характера между методами работы и конструктивными приёмами начала XIX в. и работами XX в. Однако между формой Уголовного кодекса Иосифа II 1786 г. и формой и языком «*Constitutio Criminalis Carolina*» (*далее – Carolina*) существовал разрыв, характеризующийся значительными преобразованиями. Эти работы были подготовлены в результате двух совершенно разных методов кодификации и в два разных периода развития немецкого языка.

Одновременно с проблемой правовой реформы, устранения правовых противоречий, возникла новая проблема, которая в будущем станет важнейшей для теории кодификации: проблема систематического порядка, согласно определённым критериям и в соответствии с внутренними взаимосвязями (правовых норм). Мотивы и причины начала кодификационной работы были сложными и подверженными эволюции. Они нашли свою целостную форму лишь в кодификационной теории XVIII в., основанной на положениях естественного права и ставшей относительно хорошо известной сегодня.

Очевидно, что некоторые требования, характерные для кодификационной теории XVIII в., были сформулированы ранее, так сказать, на периферии. Однако подобные утверждения ещё не были полностью разработаны. Средние века и преддверие Нового времени не были связаны между собой, не составляли элемента целостной теории.

Таким образом, первые полемические работы в области законодательства выдающегося филолога этой эпохи Гийома Буде стали новым направлением развития идеи кодификации. Они позволили интеллектуально дистанцироваться от зарубежных достижений. Гуманисты отвергли множество фрагментарных трудов итальянских комментаторов и проявили многогранный интерес к целому: они вернулись к фундаментальной проблеме. Во Франции также возникла идея о возможности построения новой юриспруденции, основанной исключительно на рациональных критериях; однако можно было также сослаться на итальянских платоников как на основоположников идеи синтеза и рациональной правовой классификации в университетских лекциях. Эти изменения приобрели большое значение не только в юриспруденции, но и в преподавании логики. Новое направление в доктрине, основанное на достижениях гуманизма, наиболее сильно и рано развилось в юриспруденции Франции и поэтому получило название «*mos docendi gallicus*».

Теоретическая почва идеи кодификации была подготовлена в XVI – XVII вв. в результате взаимодействия различных факторов. Одним из них была критика юридического гуманизма в отношении ius commune, которая указывала на историческую относительность существующего на тот момент законодательного материала, а также на его пробелы и противоречия. Возникшая в результате правовая неопределенность стала причиной сложностей в правоприменении, особенно в судебных процессах. Исходя из этого, возникло стремление к новому, ясному и свободному от противоречий законодательству, отвечающему потребностям времени.

Вторым определяющим фактором было появление нового понимания государства и общества с помощью Закона Разума (*естественного права – авт.*). После этого идеи государства и права легли в основу социального договора всех людей, целью которого было обеспечение свободы личности. Эта свобода одновременно нуждалась в ограничении посредством четкого и простого законодательства.

Европейские правители просвещенного абсолютизма с готовностью восприняли эти идеи: они видели в кодификации не только возможность обеспечить верховенство закона над произволом, рационализировать правовые операции и, таким образом, в целом повысить благосостояние своих подданных, но, прежде всего, средство подчеркнуть их правовую монополию.

Идея кодификации была основана на вере в то, что правовой материал не представляет собой неудобоваримую и произвольную массу отдельных правил и прецедентов, а может быть сведен к рациональной и организованной системе. Целью кодификации становится представление ее предмета в виде логически последовательной совокупности правовых норм и институтов. Таким образом, это способствует внутренней согласованности закона и облегчает его понимание

До определенного времени, инструментарий кодификации сводился к простому объединению частей закона в количественные суммы. И этого было достаточно для элементарного обновления законодательства. На новом этапе развития феномена кодификации (XVIII – XIX вв.) в условиях континентальной Европы, произошла замена количественного сбора юридического материала его качественной реструктуризацией.

Таким образом, в XVIII в. на новом этапе развития общества и государства произошел своеобразный прорыв в применении кодификации. Он стал возможен благодаря утвердившейся идее законности. Закон нашел свое внешнее воплощение в последовательной фиксации юридических прав и обязанностей. Согласно общепринятой точке зрения современная кодификация как продукт цивилизации Нового времени возникла в Европе лишь в XVIII в. Именно с этого времени мы можем говорить о кодификации, как исключительно техническом термине. Под кодификацией теперь стала пониматься систематическая и полная запись юридического материала в определенной предметной области в кодексе законов. Согласно сложившемуся пониманию термина, только закон, установленный государством, может быть кодифицирован [6, p. 216].

Таким образом, был проведен своеобразный водораздел между так называемыми «частными кодификациями» - юридическими текстами, разработанными частными авторами (или группами авторов) существовавшими ранее, которые по своей структуре были похожи на настоящую кодификацию и кодификациями в полном смысле этого слова как волеизъявление государства.

Литература

1. Бабаев В.К. Кодификация и систематизация нормативно-правовых актов // Общая теория права. Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 331-332.
2. Исаков В.Б. Некоторые проблемы новой российской кодификации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. №4. С. 83-92.
3. Кодан С.В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 385-401.
4. Медведев С.Н. Франсуа Отман и его классическое определение права собственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 43-45.
5. Burmeister K.H. Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus in deutschem Rechtsbereich. Wiesbaden, 1974. 334 p.
6. Caroni P. Saggi sulla storia della codificazione. Milano: Dott. A. Giuffre Editore S.p.A., 1998. 301 p.
7. Ebel F. Über Legaldefinitionen. Rechtshistorische Studie zur Entwicklung der Gesetzgebungstechnik in Deutschland , insbesondere über das Verhältnis von Rechtsetzung und Rechtsdarstellung. Berlin: Duncker & Humblot, 1974. 192 p.
8. Köbler G. Das Recht im frühen Mittelalter. Untersuchungen zu Herkunft und Inhalt frühmittelalterlicher Rechtsbegriffe im deutschen Sprachgebiet. Köln. Wien: Böhlau Verlag, 1971. 263 p.
9. Stephanitz D. C. Exakte Wissenschaft und Recht. Der Einfluß von Naturwissenschaften und Mathematik auf Rechtsleben und Rechtswissenschaft in zweiundhalb Jahrhunderten. Ein historischer Grundriß, Berlin: De Gruyter, 1970. 285 p.

10. Vanderlinden J. Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècles. Essai de definition. Bruxelles: Editions de L´ Institut de Socoilogie, 1967. -500 p.
11. Zimmermann R. Codification: history and present significance of an idea // European Review of Private Law. Vol. 3. PP. 95-120.

Prerequisites for the development of the european doctrine of codification of the 16th – 19th centuries

Glushkova E.M.
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation

This article examines the historical aspects of the development of the European doctrine of codification in the 16th-19th centuries. Since ancient times, codification has been viewed as a standard means of promulgating law and making it accessible through written recording. The emergence of the phenomenon of codification can be explained by situations that arise in society under the influence of various economic, political, and other factors, where law can no longer fulfill its functional role except through the development of a specific method. This is a situation in which a law intended solely to have a specific content is no longer satisfactory: a specific formal organization of this content also becomes necessary for the adequate functioning of the legal agreement. In the development of European law, codification should be viewed as a set of normative acts that has the character of a broader whole and simultaneously represents the legally significant force of an independent act of legal expression.

Keywords**:** european doctrine, european law, codification, legal theory, code.

References

1. Babaev, V.K. "Codification and Systematization of Normative Legal Acts." General Theory of Law: A Lecture Course. Nizhny Novgorod, 1993. pp. 331-332.
2. Isakov, V.B. "Some Problems of the New Russian Codification." Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2018. No. 4. pp. 83-92.
3. Kodan, S.V. "Acts of Legislation Systematization: Legal Nature and Place in the System of Sources of Russian Law." Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2008. Issue 8. pp. 385-401.
4. Medvedev, S.N. "François Otman and His Classical Definition of Property Rights." North Caucasian Law Bulletin. 2009. No. 4. P. 43-45.
5. Burmeister K.H. Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus in deutschem Rechtsbereich. Wiesbaden, 1974. 334 p.
6. Caroni P. Saggi sulla storia della codificazione. Milano: Dott. A. Giuffre Editore S.p.A., 1998. 301 p.
7. Ebel F. Über Legaldefinitionen. Rechtshistorische Studie zur Entwicklung der Gesetzgebungstechnik in Deutschland , insbesondere über das Verhältnis von Rechtsetzung und Rechtsdarstellung. Berlin: Duncker & Humblot, 1974. 192 p.
8. Köbler G. Das Recht im frühen Mittelalter. Untersuchungen zu Herkunft und Inhalt frühmittelalterlicher Rechtsbegriffe im deutschen Sprachgebiet. Köln. Wien: Böhlau Verlag, 1971. 263 p.
9. Stephanitz D. C. Exakte Wissenschaft und Recht. Der Einfluß von Naturwissenschaften und Mathematik auf Rechtsleben und Rechtswissenschaft in zweiundhalb Jahrhunderten. Ein historischer Grundriß, Berlin: De Gruyter, 1970. 285 p.
10. Vanderlinden J. Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècles. Essai de definition. Bruxelles: Editions de L´ Institut de Socoilogie, 1967. -500 p.
11. Zimmermann R. Codification: history and present significance of an idea // European Review of Private Law. Vol. 3. PP. 95-120.